

Метасемантические формы в структуре эссе и их передача в переводе

Метатекст – парадигматическая словесность, возникающая по исторической необходимости, для выполнения особых сверхзадач, стоящих перед коллективом, этносом, племенем. В слова или фразы с метасемантическим содержанием вкладывается особое содержание, требующее исключительной мобилизации коллективного сознания, осмысления проблем, возникающих на рубеже веков, апеллирующее к сакральным аспектам единства нации или этноса. В метатексте аккумулируются духовный опыт коллектива, сакральные аспекты, социально-психологический план, суггестия, осознание высшей цели, выводящей за пределы настоящего в будущее, подсознательные, матричные смыслы, мифопоэтическая парадигматика и т.д. Скрытый функциональный план метатекста – это обращение к большому коллективу, призыв к мобилизации всех сил для решения задач исторического, эпохального значения. Поскольку в древние эпохи подразумевалось, что в творении метатекста – священной клятвы, договора между племенами участвуют боги (Митра, Тенгри, Индра), такая фразеология неизбежно оформлялась как мегалог – диалог людей с богами, с сакральными силами коллективной судьбы.

В истории национальной устной словесности такая фразеология чаще всего носила ритуальный характер. Ритуальность – внутренний принцип метатекста. Ритуальность свидетельствует о многовековой традиции консолидации коллектива именно через обряд, апелляцию к высшим силам, заключения договора между ними и людьми, а также между членами коллектива, вступающего в данный обряд. Безусловно, такими текстами выступали клятвы (*анты*), которые заключали вожди племен перед большими битвами с оборонительными целями или, наоборот, для масштабной экспансии. «Иллиада» и «Одиссея» выступают как словесные обрамления, разросшиеся вокруг ядра метатекста – клятвы вождей, сюжет же – как инварианты нарушения этой священной клятвы или подтверждения ее. Такова внутренняя смысловая структура и великой «Махабхараты», повествующая о расколе между царями двух кланов, Пандавов и Кауравов. В истории древнетюркских народов в качестве ядровых метатекстов, разросшихся вокруг ритуала клятвы, выступают такие эпосы, как «Огуз-наме», «Коркут». Они наиболее ярко свидетельствуют о древних традициях ритуальной клятвы вождей с апелляцией к высшим, божественным силам. Казахский народ, сформированный реликтами древних тюркских племен, полностью унаследовал всю ритуальную, магическую словесность предков, и не только унаследовал, но и развил, создал новые жанры метатекстов.

К жанрам метатекстов в казахской изустной традиции следует отнести ряд локальных и крупных жанров, несущих на себе печать суггестии, то есть вербальной магии: *бата* (благословения), *осиет* (наставления), *жыр* (героический эпос), *алгыс* (благопожелания), *сарн* (обращение к духам), *ант* (клятва), *каргыс* (проклятие), *арбау* (заклинание), *дуга* (молитва) и др. Так или иначе несут на себе печать особой суггестии (воинской магии) такие жанры казахской песенной эпики, как *толгау* (думы), *терме* (речитатив).

Характерно, что все эти жанры носят эксплицитный характер, то есть внутренне они структурированы как тексты, которые предназначались для коллектива, исполнялись перед коллективом, кроме, быть может, *каргысов* и *арбау* – жанров шаманской этиологии, функциональность которых носила более узкий и специализированный характер. Яркий консолидирующий характер был присущ таким жанрам, как *жыр*, как правило, эпосы исполнялись перед большими коллективами (войсками) до начала битвы и цель таких песенных сессий была совершенно ясна – вдохновить воинов на сражение, вызвать у них особое состояние героического, жертвенного порыва, экстатического презрения к смерти. *Жыры* (эпосы) при таких исполнениях обрамлялись целым рядом малых парадигматических жанров: пословицами и поговорками, притчами, мифами, параллелизмами, афоризмами, упоминаниями, ссылками на генеалогии, *уранами* (боевыми кличами), что несомненно усиливало воздействие всего глобального метатекста на восприятие большой массы людей. Такие героические эпосы, как «Манас», «Кобланды», «Алпамыс», «Камбар батыр», «Ер Таргын», «Кероглы», «Сорок крымских батыров» и др. представляют собой вербальные конструкции, где большие метатексты – описание агиографии идеального героя, его пространственных перемещений, сцены эпических сражений, создаются сегментированием ряда парадигматических формул малой формы, но вполне канонического содержания. При этом имплицитный план такой архитектоники представляет вниманию исследователя идейную подоплеку корпуса обрядов и ритуалов, взаимодействующих парадоксальным образом. Этот план открывается, когда исследователь понимает, что каждая каноническая фольклорная форма, особенно – малая, представляет собой реликт или субстрат архаических ритуалов, более или менее развитые словесные блоки несут в себе редуцированные формы, например, воинских ритуалов. Так, например, в свете подобного прочтения, раскрывается ритуально-магическая подоплека обычая тюркских батыров древних эпох вступать в словесную перепалку с врагом перед реальным поединком. В любом тюркском эпосе мы найдем такую коллизию. Смысл такого обычая становится понятным, когда учиываешь применение особой воинской вербальной магии – *каргыса* (проклятия), чем оно успешнее – тем вероятнее победа в схватке. Воины, чье сознание было обусловлено кланово-генеалогическим, родовым мышлением, не могли не применять традиционную вербальную магию, в том числе – шаманскую, они зачастую были уверены, что имеют *арка* (сверхъестественного союзника). Сразить

противника в словесном поединке – значит - обусловить победу в реальном поединке. Вера в *арка* (союзника), *Кие* (иррационального покровителя), *Ие* (святого духа) – это принципы, вытекающие из духовных институтов тенгрианства. Как известно, в степном архаическом веровании были развиты всевозможные формы магии, в том числе вербальные воинские магии. Целью воинских магических ритуалов было – вызвать особое глубоко измененное экстатическое состояние духа, когда вдохновленный коллектив (или отдельный боец) был способен идти в бой, не думая о жизни и смерти, о собственном выживании. Воинская магия древних тюрков носила развитый характер и включала в себя обширный арсенал средств, однако нас интересует вербальная сторона этого действа.

Анализ мифо-поэтических, парадигматических и формульных выражений (фразеологии) воинской магии (*жыров, толгау, терме, антов, алгысов, осиегов, бата*) показывает активность высоких апелляций к духовным инстанциям, к богу (Аллаху, Тенгри), духам (*кие, ие*), иногда имплицитно подразумеваемую связь с *арка* (иррациональным союзником), с духом тотема. В то время как в отрицательной вербальной магии (*каргыс, урыс*) встречается апелляция к духам-стихиям, бестиалиям, демонам (*пери, жын*). Апелляция к высоким или низким духовным инстанциям ярко раскрывает полевой характер магического континуума, то есть измененное состояние есть, по сути, взаимодействие многих и разных сил. Оно и есть синкретическое действие физических и потусторонних сил, направленное через микромир субъекта мистерии. Особенно ярко такое представление демонстрируется в шаманских мистериальных действиях. Само шаманское действие есть целенаправленная духовная корреспонденция – трансмиграция с помощью иррациональных сил, целью может быть исцеление больного реципиента или полет в иные миры для получения знания. Тесная связь между воинской и шаманской магиями неоднократно фиксировалась учеными-антропологами¹. Связь между шаманской и воинской магиями не случайна, это не простая корреляция, дело в том, что нередко батыр считал себя шаманом и наоборот. Исследователями героического эпоса показано, что герой и батыр Манас подчас считал себя и шаманом (баксы), у него есть иррациональные союзники, которые всегда сопровождали его в виде двух тигров (*арка*). При этом надо учитывать, что шаманская и воинская магия – это не идентичные семантические планы, они совпадают, однако не во всем, особенно в зоне целеполагания. То, что их сближает, - вера в природную, генеалогическую избранность и предопределенность их миссии. Батыром или шаманом нельзя стать по своему желанию, это миссия, астрально предпосланная, предсказанная еще до рождения.

Казахская традиционная словесность, особенно риторическая, заимствовала очень многое из воинской вербальной магии, особенно ее высокий апелляционный план. Многие твердые и краткие формы вербальной

¹ Наурызбаева З. Вечное небо казахов.- Алматы, Сага, 2013, с.214-216

воинской словесности заимствованы риторикой биев и шешенов без изменения, так как это высокие канонические образцы, именно через них осуществляется связь с духовными инстанциями. Такими формами в речах биев и шешенов выступают притчи, *бата*, *осиет*, *алгыс*, *дуга*, *уран*, сакральные и священные имена (упоминания), магические истории и др.

Новое историческое время, в котором мы живем, далеко не случайно актуализировало ораторскую риторику великих биев и шешенов, особенно Толе би, Каз даусты Казыбек бия, Айтеке бия. Эти три бия – символические духовные воплощения трех казахских жузов, в том числе и такие демиургические фигуры, как Коркыт, Асан Кайгы, стали репрезентативным планом современной риторики, особенно активно задействованной в публицистике, эссе, устных выступлениях на больших сборищах – асах и курултаях. Цель такой риторической апелляции к великим авторитетам древности далеко не случайна – она связана с намерением авторов вновь консолидировать казахский народ, мобилизовать его скрытые духовные силы на новом историческом этапе становления Независимости. Ее стратегическая цель – вновь образовать некогда разорванное и подвергшееся эрозии единое духовное тело народа, то есть его пантеон, эгрегор, тем самым мощно подвинуть вперед в измерениях прошлого, настоящего и будущего. Таким образом, на самом глубоком уровне метатекст имплицитно взаимодействует с духовным планом коллектива (этноса, племени, союза племен), развернутого по оси времен, что указывает на доминанту существования: быть в прошлом, находиться в настоящем, стремиться в будущее. Формы текстов с метасемантическим содержанием (жанры) функционируют в такой направленной структуре – стреле времени – как особые суггестии энергии, корреспондирующие в континууме особым образом. Каждый жанр малой парадигматической формы несет в себе реликт ритуала. Имманентно несомый и свернутый в латентной форме ритуал и есть послание сквозь время. А когда приходит время новой актуализации духовного тела коллектива, запрос может даже принять форму востребованной общей национальной идеи, и тогда вновь оживают мифы и легенды, начинают говорить краткие, твердые формы, а в них – оживать древний ритуал. Мы живем в такое время, когда в словесной культуре казахов вновь актуализируются практически все выжившие малые твердые парадигматические формы. *Алгысы*, *бата*, *осиеты*, притчи, магические истории звучат не только в устных выступлениях на тоях, курултаях и асах. Они подчас появляются и в текстах публицистики и эссе. *Анты* и *каргысы* пока находятся в зоне ожидания. Необычайно активен вновь возрожденный *айтыс*. Кызыл-ординская школа жырау традиции горлового и челюстного пения вновь возрождает технику устного сказывания больших эпосов, например, «Алпамыса», «Кероглы».

Целью всех этих выступлений, поэтических и песенных сессий, айтысов, фольклорных фестивалей, курултаев и асов, когда целостно используется почти весь корпус номадической этнокультуры – является

имплицитно – собиране коллективного духовного тела, его оживление, восстановление пантеона и эгрегора, которые были почти разрушены в эпоху воинственной идеологической экспансии. Писатели и поэты, журналисты, историки, философы зачастую используют парадигматический фонд казахской словесности, не скрывая своей цели, декларируя восстановление всего космоса национальной культуры, возрождение традиционной этнопедагогики, создание барьера на пути космополитизма и глобализации, восстановление прежних и создание новых институтов формирования все того же генотипа, вынесшего на своих плечах тяжесть многовековой истории.

Приведем в качестве иллюстрации фрагмент из книги эссе известного общественного деятеля Асаубая Майлыбаева.

«Қай халықтың да, соның ішінде қазақтың да рухани көсемдік әлемі болды. Өзімізді ғана айтсақ біздің еліміздің тұтастығын көп жағдайда сол күйінде ұстап келген сол әлем. Қасиетті хандарымыз бен өситетті билеріміз сол әлемде бас біріктіріп, ниет қосу арқылы халқының тағдырына ие болды. Рухани көсемдік әлемінде ақиқатты айтқанда алмас қылыштай жарқылдаған, азуын айға білеген, аңырап сөйлеп, адуын, айбынды мінез көрсеткен, теңселіп тұрып термелеп, тебініп теңдік сұраған, бұқараның қамы үшін бұлтақтауды білмеген, елдікті айтып толғаған, ерлікті айтып ерлеген, өсиет айтып өрлеген, кері тартқан кердеңмен келісімге келмеген, қазағым-ай дегенде ешкімге дес бермеген, ханға қарап сөйлесе қолтығына кірмеген, қараға қарап сөйлесе бірлігінді біл деген, батырға қарап сөйлесе, елінді қорғап жүр деген, алмастан өткір тілі бар, жүрегінің түгі бар арыстар да алысқа басқан. Сен соларды біл жас ұрпақ. Сен солардың рухын жас ұрпаққа жеткіз жетелі, ағайын. Тағдырыңның терең тамырын тауып, тартып көр. Тағылымына тамсан. Тақыр жерде шөп өспейді. Адам көктен салбырап түспейді. Тегіміз бар. Тегіміздің терең тамыры бар. Терең тамырымызда ұлтыңның басын тауға да ұрып, тасқа да ұрып, тарихи көшіңнің тағылымын таратып айтып кеткен тарландар бар».

Наш перевод:

У каждого народа, в том числе у казахов, есть свой духовный мир, выразителями которого были вожди, ораторы. Если говорить только о нас самих, то надо признать, что этот мир в разных обстоятельствах сохранял целостность нашего народа. Наши самые дальновидные ханы и прогрессивные бии смогли объединить этот мир, помыслы множества людей и тем самым направить в нужное русло судьбу народа. Духовная истинность мира признанных вождей проявляла себя в следующем: озвучивая правду, сверкающую, словно острие меча, они говорили протяжно и громко, с искусством и мужеством, бесстрашием льва, чьи клыки отточены самой луной; пылая душой, трепетно и неотступно требовали равенства, когда речь шла обо всем народе. Они не колебались и не юлили, волнуя слушателей, ссылались на авторитет всего народа, приводили примеры признанных героев, блистая образцами устной речи, приводили

притчи и аллегории. При этом они никогда не уступали чванливым спесивцам, которые норовили сбить с толку, увести тему в сторону; когда разговор заходил об интересах всех казахов, не отступались и не шли на компромисс, говоря с ханом, перед ним угодливо не склонялись, обращаясь к простолюдинам, требовали от них помнить единство всего общества, обращаясь к батыру, требовали от него помнить о своем долге защищать народ и землю. У этих ораторов – вождей был острый, словно алмаз, язык, сердце, поросшее волосами,² эти рыцари ходили величаво, ступая степенно. Молодежь, ты должна знать их. Братья, что старше, вы должны довести до сознания молодежи высоту их духа, убедить ее. Загляни вглубь истории, найди корни, выяви их. Восхитись моральными устоями. На голом такыре³ трава не будет расти. Человек не спускается с неба на грешную землю. У нас есть благородная родословная. У этой родословной глубокие корни. В глубине нашей истории были рыцари – вожди, которые, утверждали основы и устои жизни, вынимая душу народа словами истины и судьбы нации, вели его за собой.

Анализ этого примечательного фрагмента показывает – перед нами образец *осиета* – выступления бия или шешена (оратора) перед большим коллективом людей, когда озвучивается магистральная цель на масштабные времена. Именно с подобными речами выступали перед воинами и вождями трех жузов Толе би, Айтеке би, Казыбек би для консолидации всего народа в предстоящих битвах с джунгарами. Одновременно этот фрагмент усложнен наличием признаков и других жанров, *терме*, *дуга* (молитвы), в нем заметны апелляции к древним духовным инстанциям, имеются опорные архетипы и субстраты, которые свидетельствуют об активности коллективного подсознательного начала. Жанровый синкретизм подобного рода не случаен, это выступление человека 21 века, чье вербальное действие неизбежно носит многосторонний и многоплановый характер. Структурный анализ выявляет следующее: объект обращения – современные поколения этноса, форма обращения – ритуально-каноническая (речи абызов-жрецов, вождей), скрытые апелляции – к духам предков, могучих вождей древности, *чьи сердца поросли волосами, чей язык был острый, как алмаз*. Такая структурная и семантическая многоплановость свидетельствует о наличии функционального полилога, то есть имплицитной корреспонденции через духовное тело пантеона. Образно говоря, перед нами образец речи оратора древности, сквозь время обращающегося к нам и требующего вспомнить славное прошлое, вернуться к его нравственности, величию, бесстрашию, отринуть демонов забвения и отчужденность друг от друга.

О жанровых признаках *терме* свидетельствуют особая аллитерационная ритмика, монорифма и пафос: *Рухани көсемдік әлемінде ақиқатты айтқанда алмас қылыштай жарқылдаған, азуын айға білеген, аңырап сөйлеп, адуын,*

² Сердце, поросшее волосами – традиционная метафора казахского эпоса, символизирующая предельное мужество и бесстрашие воина.

³ Такыр – иссушенная, безводная земля.

айбынды мінез көрсеткен, теңселіп тұрып термелеп, тебініп теңдік сұраған, бұқараның қамы үшін бұлтақтауды білмеген, елдікті айтып толғаған, ерлікті айтып ерлеген, өсиет айтып өрлеген, кері тартқан кердеңмен келісімге келмеген, қазағым-ай дегенде ешкімге дес бермеген, ханға қарап сөйлесе қолтығына кірмеген, қараға қарап сөйлесе бірлігінді біл деген, батырға қарап сөйлесе, елінді қорғап жүр деген, алмастан өткір тілі бар, жүрегінің түгі бар арыстар да алысқа басқан. (Подчеркнуто нами – А.Ж.)

О полномерной функциональности магической, ритуальной речи свидетельствует изысканная, сложная метафоричность, тем не менее не уникальная, а отработанная в мире эпоса, *толғау* и *терме*, приобретающая все критерии твердой, канонической формы. В этом динамическом метафорическом построении заметны архетипы и субстраты очень древнего происхождения. Тщательный анализ выявляет их особое содержание и скрытое назначение. *Азуын айға білеген* – буквальное значение этой формулировки – точить зубы о луну. В этом архетипе наложились друг на друга два глобальных слоя метасемантического значения. Во-первых точит о луну зубы только волк, который воя, купает оскал в лунных лучах. Как известно, волк – архаический тотем тюркских народов, главная мифологема. Вплоть до принятия ислама тюркские войска ходили в поход со штандартом, на котором была изображена оскаленная золотая волчья голова. Перевод этого метафорического фразеологизма потребовал от нас больших усилий. Необходимо было провести этимологический и структурный анализ архаизма и затем найти вариант перевода, который позволил бы передать на русском языке скрытое значение фразеологизма: *чьи клыки отточены самой луной*. Второй смысловой аспект данного выражения – луна. Как известно, до ислама турки поклонялись луне как ипостаси богини Умай, она есть и щеце – то есть мать (в древнем санскрите *Шеша* – великая змея, луна в фазовых переходах). Умай-щеце выступала и как богиня плодородия и одновременно – как покровительница всех искусств. Присутствие понятия луна в тюркской эпической метафоре (в петроглифах, рунах) далеко не случайно, ибо это скрытая апелляция к высокой духовной инстанции древности. Таким образом, в этом удивительном образе соединились два смысловых плана, они буквально по закону круга вливаются один в другой: волк воет на луну, а луна оmyвает его оскал. Это, несомненно, великий символ.

Об особом назначении данного фрагмента говорят следующие параметры метатекста: идеализация героев эпического прошлого (*они говорили протяжно и громко, с искусством и мужеством, бесстрашием льва, чьи клыки отточены самой луной; пылая душой, трепетно и неотступно требовали равенства... они не колебались и не юлили.... говоря с ханом, перед ним угодливо не склонялись*); формулирование нравственного кодекса для современников и будущих поколений; требование максимально внимать урокам предков, быть достойными их подвигов, находиться на такой же духовной высоте; обозначение пиететной дистанции по отношению к

великому прошлому, символическая гиперболизация фигур пантеона, четкое обозначение задач - хранить заветы, быть бесстрашными, чтить идеалы, быть едиными в борьбе за будущее.

Таким образом дидактика подобных текстов заключается не в поучении и наставлении – а в имплицитной передаче особой суггестии, информации, которая закодирована на скрытом метаплане, и которая должна быть прочтена и понята в сложном патерне многомерного восприятия современников и будущих поколений. Именно поэтому подобные тексты должны передаваться в переводе с особым вниманием и подбором адекватных средств в принимающем языке.

Литература

1. Наурызбаева З. Вечное небо казахов.- Алматы, Сага, 2013, с.214-216
2. Жаксылыков А.Ж. Сравнительная типология образов и мотивов с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы. Эстетика, генезис. – Алматы, Қазақ университеті, 2013